

На теле кошки есть два волшебных переключателя: один на лбу, другой на шее. Если нажать на первый, даже самый буйный котёнок мгновенно успокоится — это называют «убийственным поглаживанием головы». Бывают, конечно, строптивые исключения, но Пэй Мяо к ним, увы, не относится.

Второй переключатель куда могущественнее. Если взяться правильно и с нужным усилием, стоит ухватить мягкую кожу на загривке — и любой котёнок станет послушным. Этот жест повторяет то, как кошка-мать переносит детёнышей, и инстинктивно заставляет малыша замирать, ожидая, что его перетащат в другое место, без малейшего сопротивления.

Именно этот инстинкт сейчас и управлял Пэй Мяо. Пока рука Гу Цияня сжимала загривок, он не смел пошевелиться, съёжившись в чужих объятиях, с широко раскрытыми влажными глазами — выглядел невероятно покорным.

Сердце Гу Цияня растаяло. Он сел, удерживая на руках мягкое тельце, одной ладонью подхватывая кота за шею, другой — под попу, повернув его мордочкой к себе.

Пэй Мяо протестовал против такой унижительной позы, но ещё больше его возмутило лекарство, поднесённое к самым губам. Горький запах настойчиво лез в нос, и ему уже хотелось снова «пустить пену».

— Будь умницей, выпей, — юношеский голос Гу Цияня звучал мягко, с оттенком нежности. Он придвинул ложку ближе.

— Мяу... — Нет...

Пэй Мяо испуганно округлил глаза.

Едва он приоткрыл рот, как горечь хлынула внутрь, поползла по горлу — и теперь не только язык, но, кажется, даже кишки почувствовали эту противную горечь.

Всё в нём возмутилось. Но хуже всего было то, что этот «мяу» действительно сорвался с его губ? Звучало так по-детски, так жеманно! Он отказывался верить!

Ведь он — стопроцентный мужчина, с волосатыми ногами, грудью и мужским достоинством!

— Мяу... — Оставьте меня, пусть Государственный Наставник побудет в одиночестве.

— Мяу... — Не подходите, всё равно не пролезете, а я не выйду.

— Мяу... — Ещё шаг — и пеняйте на себя! Попробуйте мои несокрушимые кошачьи лапы!

Пэй Мяо вытянул пушистую лапку и с вызовом царапнул протянутую к нему руку. Крови не было, но удар получился чувствительным.

Царапнутый евнух отступил с растерянно-блаженной улыбкой.

«Когти господина — какая же нежность! — мысленно ликовал он. — Этим можно будет хвастаться целый год».

Ванцай сердито покосился на евнуха. Сам он был на грани слёз и умоляюще смотрел на Гу Цияня:

— Ваше Высочество, прикажите что-нибудь! Господин забрался в щель, вдруг не выберется?

Мы не смеем тянуть, боимся поранить. Что же делать?

Гу Циянь молчал, губы сжаты. Его взгляд, тяжёлый и пристальный, был устремлён на кота в щели, а брови сдвинулись так, что между ними легла глубокая складка. Всё из-за него: не удержал Государственного Наставника после того, как напоил лекарством, позволил выскользнуть — и тот применил «искусство сжатия костей», втиснувшись в невероятно узкую щель. Гу Циянь до сих пор не понимал, как это вышло: щель была уже половины кошачьего тела.

Не зря в народе говорят — «кошачье тело из воды соткано». Доля правды в этом определённо есть.

Пэй Мяо, затаившись в щели, вызывающе «мяукнул» в сторону собравшихся, поднял переднюю лапку, облизнул подушечку и прищурился, полный торжества. Пусть-ка попробуют снова заставить его пить эту гадость!

— Господин, выходите, пожалуйста, там же грязно, — припав к щели, жалобно уговаривал его Ванцай.

Пэй Мяо фыркнул и отказался разговаривать с предателем. Он-то помнил, кто именно приготовил то зелье.

— Господин, смотрите, я принёс вашу любимую игрушечную рыбку. Играйте сколько угодно, только выходите.

Пэй Мяо пару секунд смотрел на рыбку. Внутреннее сопротивление было велико, но тело само сделало два шага вперёд. У Ванцай уже начала расплываться улыбка — как вдруг лапка дёрнулась назад, и кот, вернувшись в щель, принялся умываться.

Ха! Подумали, игрушечной рыбкой его купить? Глупцы!

Тут Ванцай и впрямь готов был расплакаться. Он обернулся к Гу Цияню, моля о помощи.

Все в покоях были в тупике. Что поделаться с Государственным Наставником, который сам запер себя в стене? Не вытащишь, не прикрикнешь, не уговоришь... Они чувствовали полное бессилие.

Гу Циянь, сжав губы, несколько секунд смотрел на Пэй Мяо, затем произнёс:

— Все, выйдите. Пусть Государственный Наставник побывает один.

— Мяу?

Это был изумлённый и сбитый с толку Пэй Мяо.

— А?

Это были ошеломлённые и отчаявшиеся слуги.

— Разве вы ещё не ушли? — Холодный взгляд Гу Цияня скользнул по присутствующим. Голос звучал негромко, но властно. Слуги и служанки, почувствовав ледяной холод за спиной, поспешно покинули покои.

Гу Циянь задержался на мгновение, затем твёрдым шагом направился к выходу. Проходя мимо

щели, он нарочно не взглянул в ту сторону.

И, как он и ожидал, не успел он сделать и двух шагов, как из щели выскочил пушистый ком и со скоростью молнии подскочил к его ногам, царапнув голень в отместку.

Прежде чем Гу Циянь успел среагировать, проказник уже юркнул обратно в щель.

Кот был слишком упитан, щель — слишком узка. Голова и передняя часть протиснулись, а самый объёмный зад так и остался торчать снаружи, вместе с хвостом, который беспомощно дёргался, пока задние лапы изо всех сил пытались втиснуть тело внутрь, расплющивая его в кошачий блин.

Зрелище вышло одновременно нелепое и завораживающее.

И, к всеобщему изумлению, он таки пролез!

Гу Циянь рассмеялся. Неужели этот малыш мстил ему за лекарство? Какой же злопамятный.

Он бросил взгляд на щель, затем велел принести пакет с вяленным мясом и положил его у самого порога. После чего удалился вместе со всеми — открыто, без тени смущения, будто и не думал никого заманивать.

Когда все ушли, в покоях воцарилась тишина. Пэй Мяо, высунув голову из щели, удостоверился, что никого нет, и жадно уставился на пакет с мясом, лежавший неподалёку.

Аромат был навязчивым, назойливо лез в ноздри, дразня и вызывая нестерпимое желание. Но пакет лежал в мерзко-недосягаемом месте: близко, но лапой не достать, и открытая сторона была развёрнута прямо к нему. Чувствуй запах, смотри — но не ешь.

Как же хотелось!

Пэй Мяо облизнулся, мгновение колебался между «выйти» и «не выходить» — и решительно полез наружу. Не есть мясо — удел глупых котов, а он не глуп.

Однако, не успев сделать и пары глотков, он почувствовал, как его поднимают сзади. Ощущение невесомости заставило хвост бессильно повиснуть, тело застыло, покорное рукам, которые тут же прижали его к груди.

В Чертоге Юннин лишь один человек мог позволить себе взять его без спроса — Гу Циянь.

И действительно, едва он оказался в его объятиях, в нос ударил знакомый холодноватый аромат — лёгкий, свежий, ничуть не отталкивающий.

В ухе прозвучал тихий смешок, и Гу Циянь, приблизившись, прошептал:

— Поймал.

Голос звучал так бархатисто и притягательно, что Пэй Мяо снова почувствовал, будто его взяли за загривок.

— Маленький обжора, как же я отпущу тебя на жертвоприношение Небу? Как бы в пути не сбежал, — Гу Циянь снова рассмеялся, и в смехе сквозила явная радость.

Пэй Мяо, обуянный стыдом и яростью, взорвался. Он поднял голову и яростно уставился на Гу

Цияня, голубые глаза буквально метали искры:

— Мяу! — Сам ты обжора! И вся твоя семья — обжоры!

Маленькие клыки блестели, мордочка исказилась свирепой гримасой — вид был поистине грозный.

Гу Циянь, едва сдерживая смех, принялся гладить взъерошенную кошку. Рука скользила от макушки вниз, а он вполголоса говорил ей на ухо:

— Я был неправ, прости меня. Государственный Наставник, будь великодушен, прости этого неразумного.

<http://bllate.org/book/16288/1467792>